

Евгений Петрович Сергун

*Ведущий научный сотрудник отделения научного центра противодействия коррупции Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук
E-mail: e.p.sergun@gmail.com*

Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности по российскому уголовному законодательству

Аннотация: в публикации дана развернутая уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности». Выявлены научно-практические вопросы, возникающие при квалификации деяний по рассматриваемой норме, в частности: а) неоднозначность объекта данного преступного посягательства; б) спорность наличия независимого материального признака указанного преступления – общественной опасности; в) возникновение непреодолимой конкуренции уголовно-правовых норм; г) неясность момента окончания финансирования экстремистской деятельности и др. Обосновано предложение об исключении названной статьи из российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: финансирование экстремистской деятельности, финансирование терроризма, преступления экстремистской направленности, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, уголовно-правовая политика.

Evgenij Petrovich Sergun

Leading Researcher of the Department of the Scientific Center for Corruption Control of the Volga Region (Saratov) Juridical Institute (the brunch) of the Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation

Criminal Liability for Financing of Extremist Activity According to the Russian Criminal Law

Annotation: *the article contains detailed criminal and legal characteristics of the components of crime stipulated by 282.3 paragraph of the Criminal Code of the Russian Federation "Financing Of Extremist Activity". The author finds out scientific and practical aspects which exist in the process of classification of acts within described rule, which are: a) ambiguity of the crime attack object; b) possible lack of independent material sign (public danger) of the crime; c) irresistible conflict of criminal and legal rules; d) non-defined moment when financing of extremist activity was stopped; etc. The author justifies suggestion to exclude the described paragraph from the Russian criminal legal system.*

Keywords: *financing of extremist activity, financing of terrorism, extremism, crimes against the foundations of the constitutional system and state security, criminal legal policy.*

Последним на данный момент дополнением российского уголовного закона, расширившим перечень так называемых «преступлений экстремистской направленности», является ст. 282.3 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Финансирование экстремистской деятельности», введенная Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. С того времени содержание отмеченной уголовно-правовой нормы не претерпело каких-либо изменений и соответствует ее изначальной редакции:

«Статья 282.3. Финансирование экстремистской деятельности»

1. Предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до двухсот часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до шести лет.

Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно путем своевременного сообщения органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало, а равно способствовало пресечению деятельности экстремистского

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3385.

сообщества или экстремистской организации, для обеспечения деятельности которых оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Уголовно-правовая формулировка вышеизложенного состава преступления (как, впрочем, и нормативные описания других однокрупных преступных деяний) при обстоятельном изучении вызывает ряд трудноразрешимых научно-практических вопросов, обусловленных общим концептуальным несовершенством уголовно-правовой политики в сфере противодействия экстремистской деятельности. Руководящая идея, побудившая законодателя криминализовать обсуждаемое деяние, по существу лишена научной новизны с учетом существовавших ранее правовых и организационных средств борьбы с финансированием экстремистской деятельности.

Обоснуем приведенные тезисы и выявим иные проблемные аспекты в рамках системного уголовно-правового анализа состава преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ.

Рассматриваемая статья получила закрепление в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», входящей в разд. X УК РФ «Преступления против государственной власти», что, на первый взгляд, позволяет сделать достоверные выводы о *родовом (специальном)* и *видовом объектах* данного преступного посягательства. Вместе с тем отсутствует логическое объяснение того, почему же состав преступления, состоящий в финансировании терроризма (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности»), размещен законодателем в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» разд. IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Ведь согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ (далее — ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») финансирование террористической деятельности относится к группе поведенческих актов, образующих деятельность *экстремистскую*.

С доктринальных позиций, как справедливо подытожила А. К. Боташева, «терроризм является наиболее опасной для общества разновидностью политического экстремизма, поскольку нанесение ущерба жизни и здоровью людей и их устрашение сознательно рассматриваются субъектами терроризма в качестве необходимого условия достижения выдвигаемых террористами политических целей»². В контексте затронутой проблемы это означает следующее: финансирование терроризма всегда является в широком смысле финансированием экстремистской деятельности, что должно подразумевать наличие тождественного *основного объекта* в составах финансирования преступлений экстремистской (террористической) направленности. Однако содержание уголовного закона демонстрирует несогласие с данным теоретическим положением.

В результате сложившегося парадокса определение не только родового с видовым, но и *непосредственного* объектов преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, обречено на отсутствие единогласной научной точки зрения, а следовательно, их установление в процессе уголовно-правовой

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

² Боташева А. К. Терроризм как феномен современной политической реальности. Ставрополь, 2009. С. 239.

квалификации, вероятнее всего, примет формальный характер (т. е. будет осуществляться правоприменителем по принципу: если деяние подходит под описание того или иного преступления, то наличие конкретного объекта уже очевидно из структуры Особенной части УК РФ, а потому не нужно размышлять, на какие именно абстрактно-философские общественные отношения оно посягает: «основы конституционного строя», «безопасность государства» или «общественную безопасность», и тем более разрабатывать дифференцированные стратегии их процессуального доказывания).

Неоднозначность объектов преступлений, предусмотренных ст. 282.3 и ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, проявляет себя особенно заметно при решении вопроса о квалификации деяний, состоящих в финансировании организации, подготовки или совершения преступлений, предусмотренных ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и (или) 279 УК РФ «Вооруженный мятеж», отраженных в гл. 29 Кодекса. Очевидно, что правотворцы придерживались тривиального подхода: в названиях статей какой главы Особенной части УК РФ используется словосочетание «террористическая деятельность» (гл. 24 УК РФ), в той и криминализировали ее финансирование, и по аналогии — в заголовках статей какой главы уголовного закона употребляется понятие «экстремистская деятельность» (гл. 29 УК РФ), в той и установили ответственность за ее финансовое обеспечение. Но при этом не учли, что согласно примеч. 1 к ст. 205.1 УК РФ, а также п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ финансирование деяний, описанных в ст. 277–279 УК РФ, образует *террористическую* в контексте гл. 24 УК РФ, а не *экстремистскую* деятельность по смыслу гл. 29 УК РФ, что должно быть с точностью до наоборот.

Неясно, в частности, почему финансирование насильственного захвата власти или насильственного удержания власти является, по мнению законодателя, преступлением против общественной безопасности, если: 1) преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ, посягает на основы конституционного строя и безопасность государства, что следует из нормативного определения видового объекта гл. 29 УК РФ; 2) в п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» сказано, что насильственное изменение основ конституционного строя — альтернативное деяние согласно диспозиции ст. 278 УК РФ — относится к экстремистской деятельности (а не к террористической в соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²); 3) ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), как и за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.³, а равно на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (ст. 278 УК РФ), установлена в гл. 29 УК РФ. Непонятно и то, допустима ли квалификация преступлений, предусмотренных ст. 282.3 и ч. 1 ст. 205.1 УК РФ по совокупности,

¹ См.: Российская газета. 2012. 17 февр.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.

³ См.: Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

например, в случаях финансового обеспечения деятельности экстремистского сообщества, созданного с целью совершения преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и (или) 279 УК РФ. Так, по мнению А. В. Андреева, за финансирование хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, не указанных в примеч. 1 к ст. 205.1 УК РФ, лицо должно нести уголовную ответственность по ст. 282.3 УК РФ¹, что, впрочем, не проясняет возникший вопрос. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² не содержит указаний по этому поводу, т. к. было вынесено за три года до введения в уголовный закон ст. 282.3 УК РФ.

Относительно *объективной стороны* состава преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, необходимо заметить, что финансирование как таковое не представляет общественной опасности вне контекста соучастия в совершении какого-либо преступления экстремистской (террористической) направленности, категория которого как раз и определяет наличие указанного материального признака в действиях финансиста. Учитывая, что согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника (а они все в большей или меньшей степени могут выполнять функцию финансиста) наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, установление независимой уголовной ответственности за финансирование определенной группы преступлений представляется, на наш взгляд, необоснованным и только усложняет правоприменение возникающими внутренними противоречиями.

Обособленная криминализация самого факта соучастия в преступлении (даже вне зависимости от того, финансирование ли это или что-либо иное) неизбежно влечет образование искусственной совокупности преступлений, а в рассматриваемой ситуации — *состав финансирования преступления + состав финансируемого преступления*, что нарушает принцип экономии уголовной репрессии. Кроме этого к приведенной совокупности, следуя букве действующего уголовного закона, возможно добавить еще *состав организованного участия в подготовке или совершении финансируемого преступления*, в частности в случаях, когда финансирование преступления экстремистской направленности осуществляется участником экстремистского сообщества (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ), созданного с целью подготовки и (или) совершения такого преступления.

Важно отметить, что, несмотря на неестественное появление столь сложных уголовно-правовых конструкций, визуально существенно завышающих степень общественной опасности де-факто единичных преступных деяний, на практике речь может банально идти о квалификации предоставления материальных средств для совершения преступления экстремистской направленности *небольшой категории тяжести*, например, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ либо п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ или других. В определенных случаях санкция ч. 1 ст. 282.3 УК РФ позволяет наказывать финансовых пособников строже исполнителей финансируемых преступлений (даже если

¹ См.: Андреев А. В. О некоторых преступлениях экстремистской направленности и финансировании экстремистской деятельности // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : Право. 2015. № 2. С. 141.

² См.: Российская газета. 2011. 4 июля.

действия финансистов не квалифицировать по совокупности, т. е. дополнительно по тому составу преступления, который финансируется). Считаем, в науке уголовного права такой подход нельзя признать разумным.

Смежный вопрос вызывает разграничение преступлений экстремистской направленности, совершенных *по найму* и совершенных в результате их финансирования в контексте ст. 282.3 УК РФ. Например, требуется ли дополнительная квалификация по указанной статье действий организатора «заказного» убийства, содержащего признаки пп. «з» и «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, являющегося согласно примеч. 2 к ст. 282.1 УК РФ преступлением экстремистской направленности? Полагаем, такая квалификация явно излишняя, поскольку отягчающий признак, предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, уже подразумевает выполнение соответствующей организационно-пособнической роли в совершении наемного убийства, а наиболее строгое из установленных видов наказания за такие действия — пожизненное лишение свободы. Косвенно об этом говорится и в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ». Тем не менее финансирование «хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности», как это отмечается в диспозиции ч. 1 ст. 282.3 УК РФ, дает основание для дополнительной квалификации наемного убийства с экстремистскими мотивами по ст. 282.3 УК РФ.

Ввиду того, что ст. 282.3 УК РФ представляет собой, с одной стороны, самостоятельное преступление, а с другой — специфичный вид соучастия в ином преступлении, не менее спорным является определение момента окончания финансирования экстремистской деятельности, даже несмотря на устоявшееся мнение относительно того, что анализируемый состав преступления — *формальный*. В качестве наглядного примера приведем следующие два суждения: 1) по мнению В. В. Ульяновой, «состав финансирования экстремистской деятельности сконструирован как формальный, и преступление признается оконченным с момента совершения умышленных действий, направленных на финансирование экстремистской деятельности, независимо от того, дошли ли средства до получателя, и от их фактического использования»², 2) на взгляд Г. С. Холоимова, «состав преступления, предусмотренного ст. 282.3, формальный, для наступления ответственности достаточно выполнения действий по привлечению финансирования вне зависимости от того, удалось ли с помощью этих действий совершить преступление экстремистской направленности»³.

¹ См.: Российская газета. 1999. 9 февр.

² Ульянова В. В. Финансирование экстремистской деятельности: анализ законодательных новелл // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития : материалы Междунар. науч. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» (24–26 ноября 2014 г.). Новосибирск, 2014. С. 433.

³ Холоимов Г. С. Уголовно-правовая характеристика финансирования экстремистской деятельности // Научная перспектива. 2014. № 8. С. 74.

Развивая идею авторов, заметим, что в первом случае акцент делается на финансировании как на *процессе* (т. е. непосредственное начало финансирования — момент окончания преступления по ст. 282.3 УК РФ), во втором — как на *результате* (т. е. профинансирование — момент окончания рассматриваемого преступления). Подобные расхождения во взглядах не случайны, поскольку формулировка «сбор средств» в диспозиции ст. 282.3 УК РФ способна интерпретироваться двояко: 1) как собирание; 2) как собрание (средств). Иными словами, лицо может осуществлять целенаправленные действия для сбора денежных средств, но в итоге так и не собрать их по различным обстоятельствам, в том числе по не зависящим от него. Так что же имел в виду законодатель под «финансированием»?

Если признать финансирование экстремистской деятельности оконченным преступлением с момента начала собирания денежных средств, а равно их «предоставления» (в значении «предоставлять», а не «предоставить»), то стадию приготовления к преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 282.3 УК РФ (это тяжкое преступление в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ), констатировать на практике будет крайне затруднительно. Причем важно определение не только точного времени окончания преступления по ст. 282.3 УК РФ, но и непосредственного начала выполнения его объективной стороны, ведь такого рода действия предполагают по меньшей мере причастность к финансируемому преступлению, а возможно, уже и стадию приготовления к нему. Если представить, что процесс сбора (собирание) денежных средств для финансирования экстремистской деятельности одновременно образует оконченное преступление по ст. 282.3 УК РФ + стадию приготовления к совершению финансируемого преступления экстремистской направленности небольшой или средней тяжести, то совокупности преступлений быть не может в силу правила, изложенного в ч. 2 ст. 30 УК РФ. Однако, как было сказано, само по себе финансирование преступления экстремистской направленности лишено материального (содержательного) признака вне контекста соучастия в таком преступлении. Следовательно, квалификация деяния только по ст. 282.3 УК РФ оказывается недопустимой с позиции теории уголовного права.

Нелогичность ст. 282.3 УК РФ объясняется еще и тем, что на практике финансирование экстремистской деятельности нередко сопрягается с совершением преступлений в сфере экономической деятельности¹ или, точнее говоря, выражается в их совершении, что вновь поднимает проблему избыточности квалификации одного и того же деяния по нескольким статьям уголовного закона.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, также содержит неопределенности. Согласно тексту уголовного закона виновному должно быть заведомо известно, что финансируемое им деяние относится именно к преступлениям экстремистской направленности, а не, скажем, к «общеуголовным» деяниям. Однако в науке российского уголовного

¹ См., напр.: *Петрянин А. В., Терехин В. А.* Проблемы квалификации и расследования приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 248–255; *Петрянин А. В.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 316–320 и др.

права до сих пор не сложилось единого мнения о том, какие из составов преступлений, отраженных в Особенной части УК РФ, надлежит относить к группе экстремистских посягательств. Несмотря на то, что юридическая ошибка по устоявшемуся правилу не влияет на решение вопроса об ответственности и виновности лица, судебно-следственным органам во всех случаях предстоит доказать, что финансируемое преступление имеет экстремистскую, а не бытовую или какую-либо иную направленность. Отсюда следует парадоксальный вывод о том, что без предварительного анализа финансируемого преступления говорить о наличии состава преступления, предусматривающего финансирование экстремистской деятельности, невозможно.

Помимо этого, в диспозиции ст. 282.3 УК РФ отсутствуют указания на *мотив* финансирования, в связи с чем отнесение финансирования экстремистской деятельности к преступлениям экстремистской направленности (если исходить из смысла примеч. 2 к ст. 282.1 УК РФ) представляется спорным, а следовательно, ставится под сомнение утверждение, что данное преступление посягает на основы конституционного строя Российской Федерации и якобы потому его закрепление уместно в гл. 29 УК РФ.

Полагая, что соучастие в финансируемом деянии представляет повышенную общественную опасность, если оно совершается лицом с использованием своего служебного положения, нормотворцы сформулировали соответствующий квалифицированный состав в ч. 2 ст. 282.3 УК РФ, предусматривающей *специальный субъект преступления*.

В заключение остается подчеркнуть, что введением ст. 282.3 УК РФ законодатель по невразумительным основаниям установил уголовную ответственность за деяния, которые и без того ранее считались преступными. Это недопустимо в силу принципа *non bis in idem* («не дважды за одно и то же»). Более того, проанализированный состав преступления лишен собственного материального (содержательного) признака и приобретает общественную опасность лишь в процессе «интеграции» в объективную сторону другого преступления. Дополнение уголовного закона подобными «инновациями» порождает массу квалификационных вопросов и приводит к немотивированной уголовной репрессии.

Пристайейный библиографический список

1. Андреев, А. В. О некоторых преступлениях экстремистской направленности и финансировании экстремистской деятельности // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. — 2015. — № 2. — С. 134–141.

2. Боташева, А. К. Терроризм как феномен современной политической реальности / А. К. Боташева. — Ставрополь : Ставролит : Возрождение, 2009. — 270 с.

3. Петрянин, А. В. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг как угроза экономической безопасности и способ финансирования экстремизма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 1. — С. 316–320.

4. Петрянин, А. В. Проблемы квалификации и расследования приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как разновидности корыстного преступления и возможного способа финансирования экстремизма / А. В. Петрянин, В. А. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 1. — С. 248–255.

5. Ульянова, В. В. Финансирование экстремистской деятельности: анализ законодательных новелл // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития : материалы Междунар. науч. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» (24–26 ноября 2014 г.). Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС. – Новосибирск : СибАГС, 2014. – С. 432–434.

6. Холоимов, Г. С. Уголовно-правовая характеристика финансирования экстремистской деятельности // Научная перспектива. – 2014. – № 8. – С. 74–75.

References

1. Andreev, A. V. O nekotoryh prestuplenijah jekstremistskoj napravlenosti i finansirovanii jekstremistskoj dejatel'nosti [Concerning Some Kind of Extremism Crimes and Financing Of Extremist Activity] // Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser: Pravo. – 2015. – № 2. – P. 134–141.

2. Botasheva, A. K. Terrorizm kak fenomen sovremennoj politicheskoj real'nosti [Terrorism as Modern Political Reality Phenomenon]. – Stavropol' : Stavrolit : Vozrozhdenie, 2009. – 270 p.

3. Petrjanin, A. V. Izgotovlenie ili sbyt poddel'nyh deneg ili cennyh bumag kak ugroza jekonomicheskoj bezopasnosti i sposob finansirovanija jekstremizma [Fabrication or Sale of Forged Money or Securities as the Threat to Economic Security and the Mean of Extremist Activity Financing] // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2011. – № 1. – P. 316–320.

4. Petrjanin, A. V. Problemy kvalifikacii i rassledovaniya priobretenija ili sbyta imushhestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem, kak raznovidnosti korystnogo prestuplenija i vozmozhnogo sposoba finansirovanija jekstremizma [Problems of Classification Investigation of Acquirement or Sale of Properties Knowingly Gotten By Criminal Means as the Sort of Acquisitive Offence and a Possible Way to Finance Extremism] / A. V. Petrjanin, V. A. Terehin // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2011. – № 1. – P. 248–255.

5. Ul'janova, V. V. Finansirovanie jekstremistskoj dejatel'nosti: analiz zakonodatel'nyh novell [Financing of Extremist Activity: Legislative Novel Analysis] // Obshhestvo v jepohu peremen: sovremennye tendencii razvitija ^ materialy Mezhdunar. nauch. konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, provodimoj v ramkah II Mezhdunar. foruma studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Upravljaem budushhim!» (24–26 nojabrja 2014 g.). Sibirskij institut upravlenija – filial RANHiGS. – Novosibirsk : SibAGS, 2014. P. 432–434.

6. Holoimov, G. S. Ugolovno-pravovaja harakteristika finansirovanija jekstremistskoj dejatel'nosti [Financing of Extremist Activity: Criminal Legal Characteristics] // Nauchnaja perspektiva. – 2014. – № 8. – P. 74–75.